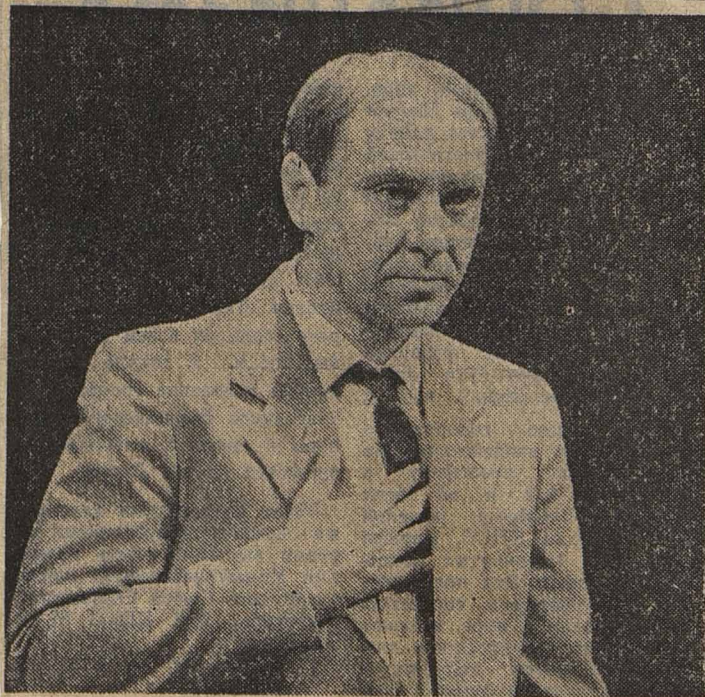

СМЕНА

ПОСТИГАЯ ГЛУБИНУ ХАРАКТЕРА,

РАБОТАЕТ НАД РОЛЬЮ АРТИСТ ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНСОВЕТА
ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ

ДВЕНАДЦАТЬ лет как Владимир Матвеев работает в Театре имени Ленсовета. Он и начинал там, когда филиалом театра еще был Молодежный театр, и начинал с хороших ролей, с хорошей драматургии — Шаманов в «Прошлым летом в Чулимске», Бусыгин в «Старшем сыне» (пьесы А. Вампилова), да и в дальнейшем ролями значительными, весомыми, пожалуй, обделен не был.

Многих актеров сегодня можно объяснить, исходя из традиционной системы театральных амплуа: этот комик, тот — простак, вот герой-любовник, а вот социальный герой, наше новое амплуа натеатре. Матвеева так не объяснишь.

Итак, если заняться самым трудным делом в критике — попыткой схватить, определить подлинную сущность актера — что же в нем, в театраль-

ном актере Владимире Матвееве есть, а чего нет? Нет легкости, причем легкости двух сортов: и той, что проистекает из врожденного чувства гармонии, и той, что от привычки халтурить. Матвеев всегда серьезен, обживает роль вдумчиво, иногда тяжело.

Нет комизма, то есть, конечно, если надо, и он мог бы посмеяться зрителя, но внутренней задачи такой и предрасположенности нет. Вот он теперь в увядающем спектакле «Левша» играет царя — играет зло и мрачно. Хотя его царь и тарашит глаза по-особенному, и репризы сообщает залу как надо, он у актера получается тяжелым, почти злобным. И вместо сплошного веселья выходит веселье плюс еще что-то, какая-то подкладка незелая и нота недобрая. И грустный финал спектакля теперь не выглядит привеском к жизнерадостному действу,

а внутренне оправдан — не все поддается шутке, либо поддается, да на время...

В «Игроках» Гоголя Матвеев играет главную роль — Ихарева. Странная, слабая улыбка, неожиданные «взвизги» — фантастическое существо, практичный жулик на грани безумия. Однако на дне этого существа таится то, что приводит его к краху, — глупая, детская наивность, вера в братство жуликов. С этой роли Матвееву почти сплошь стали доставаться такие персонажи, которых добрыми или там хорошими не назовешь, и актер стал последовательно осваивать их тяжелую и злую психологию.

Наверное, если бы творческую сущность Матвеева довести до предела, да еще поместить в провинциальный театр XIX века, из него получился бы неплохой злодей в мелодраме. Однако он, по счастью, играет сегодня и сейчас, и играет разное. Совсем недавно он сыграл две роли в двух современных пьесах: Федора Ивановича в «Зинуле» А. Гельмана и Сашу в «Я — женщина» В. Мережко. У Федора Ивановича — всего один эпизод, одно объяснение со своей глупой девочкой Зинулей, вдруг решившей добиться правды. Но Матвеев на это время приковывает к себе зрительское внимание. Он как будто играет последний эпизод некоей другой пьесы, где он главный герой. И это пьеса о полном крахе человека, проигравшем, упустившим, исковеркавшем свою жизнь. Осталась одна горечь и злорада перегоревшей души, потому что всю жизнь — тишком, да ползком, да молчком, разве что перед очередной доверчивой девчонкой можно крылья распустить. Слова роли как-то перестают быть текстом, идут нервно, с болью, зацепляя именно своей тоскливой музыкой — все пропало, все, остальное молчать, да злиться... Впечат-

ляющая картина искривленной, пропавшей человеческой души.

В пьесе Мережко «Я — женщина» героиня, Мария, слетает в один миг с налаженной жизненной колеи, остается в одиночестве, а судьба, то есть драматург, подкидывает ей разные варианты жизни — разных мужчин. Одного из них, первую любовь героини, а ныне алкоголика Сашу, и играет Матвеев. Актер, как кажется, эту роль пока еще обживает, хотя внешне она слежена, очерчена. Матвеев довольно убедительно изображает состояние человека в мучительную минуту вынужденной трезвости, скованные его движения и тяжелый взгляд. Важно, чтобы эти внешние приспособления не подавляли главное — фантастическую психологию человека, оторвавшегося от реальности. Тут, в общем, та же тема — «жизнь проиграна», как говорится у Вампилова, — только вариант более ядовитый и, в сущности, более страшный. Вот он берет деньги у Марии, ему нужно-то лишь на выпивку, но он берет и берет, замороженный самим видом денег, да еще сочиняет что-то про себя на ходу, и верит сам попутно... У зрителя наступает узнанье, но хотелось бы, чтобы одной брезгливой усмешкой они тут не отделялись, чтобы дрожь пробирала от зрелища того, как может пасть человек.

Вот вспоминаешь роли Матвеева — и как будто бродит в уме какое-то определяющее для них важное слово.

Самолюбие.

Страстное, яростное самолюбие — до злости, до крика, до болезни, до полного отрыва от реального своего существования в мире. Самолюбие, заключающее человека будто в ледяной дом, из которого нет выхода. Своеобразное поле, в которое погружены создания актера — не случайность, не умысел. Скажем, того же Сашу или Федора Ивановича можно было играть помпезнее, посмешище — но актер их выставляет на обозрение, какие они есть, с их жалкими, страшноватыми, но ох как самолюбивыми душами. Исследование психологии подобных людей представляется сегодня важным, и для сцены Театра имени Ленсовета такая серьезная нота необходима. Т. МОСКВИНА